

ПРОЕКТЫ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ и их эффекты

Владимир Николаевич Аверкин,
*ректор Новгородского института развития образования,
профессор, доктор педагогических наук*

Олег Михайлович Зайченко,
*доцент Новгородского института развития образования,
директор научно-исследовательского центра
образовательной политики, кандидат педагогических наук*

Статья, которую мы вам предлагаем, это не только отклик на публикацию в журнале. Это скорее раздумье о том, почему до сих пор демократизация образования остаётся всего лишь декларацией (образовательное сообщество и широкая общественность не привлекаются к обсуждению правительственных решений, итогов их реализации, а потому «народ не понимает, ропщет, но внедряет...»). Почему даже успешные проекты не дают длительных результатов?

Цель образования — не только успешная итоговая аттестация, а жизненная успешность выпускников. Но никаких эффективных способов, никаких критериев оценки этого до сих пор нет. Словом, проблем для осмысления и практического действия вполне достаточно. Что и побудило редакцию опубликовать этот отклик.

- проект «Наша новая школа»
- ЕГЭ
- критерии оценки результатов реформ
- проблемы распространения накопленного опыта

Публикации в журнале «Народное образование» традиционно отличаются злободневность поднимаемых в них проблем, свой особый, часто расходящийся с официальной

точкой зрения, взгляд на происходящие в российском образовании процессы.

Но даже среди таких публикаций не могла не привлечь особого внимания остротой и многоплановостью обсуждаемых

проблем статья «Наша новая школа» не совсем наша и вовсе не новая...» (№ 7, 2010 год). Хотели бы высказать своё мнение по поводу некоторых содержащихся в ней мыслей, соглашаясь, как это обычно бывает, с одними положениями и не соглашаясь с другими.

Автор с весьма критических позиций рассматривает не только инициативу «Наша новая школа», но и ряд известных идей психологии и педагогики, традиционно составляющих краеугольный камень отечественной системы образования. Не считая себя вполне компетентными для суждений по всему содержанию статьи, остановимся на отдельных положениях.

Прежде всего, нельзя не согласиться с тем, что президентская инициатива «Наша новая школа» — вовсе не новая. Едва ли она, конечно, и президентская. Мы не знаем, разумеется, имена непосредственных её разработчиков, да это и не главное. Важно то, что неизвестные нам авторы, видимо, не вполне осведомлены о совсем недавней истории принятия основополагающих для системы образования документов и их реализации. По общему замыслу и конкретным результатам, которые ожидают от «Нашей новой школы», она в значительной мере повторяет концепцию модернизации российского образования до 2010 года, о которой в последние годы вспоминали всё реже, пока, кажется, не забыли совсем.

В этой ситуации отчётливо проявляется общий дефект управления системой образования, по крайней мере на протяжении последних двадцати лет: реализация различного рода проектов и программ в сфере образования в очень редких случаях завершается детальным анализом степени достижения поставленных целей и причин, по которым не удалось решить те или иные задачи. По крайней мере, открыто с такой информацией общество не знакомят.

Непонятно, каким образом можно начинать новый крупный проект, не проанализировав выполнение предыдущего? Это же очевидное правило эффективного управления.

Поскольку «Наша новая школа» — это, по сути, «ремейк» концепции модернизации образования, то она, надо полагать, не выполнена. Впрочем, об этом нетрудно догадаться и не

апеллируя к косвенным признакам. Единственной крупной задачей, которую можно считать в той или иной мере решённой, стало введение единого государственного экзамена. Этот шаг действительно, как пишет автор, стал важным прорывом, обозначившим переход к большей прозрачности в системе образования.

Однако и в этом направлении сделано не всё. ЕГЭ позволяет оценить степень подготовки при завершении старшей ступени обучения. А вот для объективного определения уровня знаний выпускников, например, IV и IX классов общеобразовательных учреждений массовый и универсальный (федерального уровня) механизм измерения, подобный ЕГЭ, отсутствует.

Учащиеся, родители, да и педагоги продолжают бояться ЕГЭ. Однако именно на более ранних ступенях обучения возможно его применение не в функции контроля, а как инструмента объективного измерения уровня знаний и качества профессиональной деятельности педагогов. При правильном подходе это позволило бы освободить независимые формы оценки качества образования от связанных с ними сегодня представлений о тех или иных грозных санкциях, таких, например, как непоступление в вуз.

Вообще важно сделать так, чтобы методы оценки знаний, подобные ЕГЭ, применялись, в первую очередь, с точки зрения того, что они создают возможность для дополнительного стимулирования учащихся и учителей. Сегодня педагоги, преподающие учебные дисциплины, по которым ЕГЭ не сдаётся, оказались в какой-то степени ущемлены, поскольку в отношении них существует меньше измеримых результатов, за которые можно получить надбавки к заработной плате. И сами учителя уже ставят эти вопросы.

Продвижение по пути модернизации образования сдерживается тем, что профессиональное сообщество не принимает многих принимаемых на федеральном

уровне решений. Как правильно отмечает автор обсуждаемой статьи, «народ «не понимает» и ропщет, но внедряет». К числу наиболее ярких примеров в данном случае можно отнести реализацию Федерального закона «Об автономных учреждениях» и Федерального закона от 08.05.2010 № 83-ФЗ, породивших среди родителей и педагогов и даже органов исполнительной власти субъектов РФ и местного самоуправления множество пугающих мифов. В Новгородской области, например, большинство из таких методов после года работы образовательных учреждений в новом статусе исчезли. Но было бы лучше, если бы Министерство образования и науки РФ или другое федеральное министерство *предваряло внедрение законодательных и иных новаций в системе образования широкой разъяснительной работой, проведением совещаний в дистанционном режиме, организацией семинаров в федеральных округах, разработкой и направлением на место методических рекомендаций.*

Для этого, безусловно, необходимы дополнительные усилия, но всё же несравнимо меньшие, чем для противостояния непониманию, домыслам, ошибочным представлениям, неизбежно возникающим в условиях дефицита профессиональной информации.

Сегодня школа продолжает жить во многом в плену устаревших представлений, например, о бесплатности образования, которое на самом деле отнюдь не бесплатно, а оплачивается за счёт налоговых поступлений, продолжает мечтать о таком счастливом времени, когда все её потребности будут покрываться за счёт бюджета. Способна ли что-либо поменять здесь «Наша новая школа»? Считаем, что не может.

Насколько она способна воспринять то положительное, что было достигнуто на предшествующем этапе реформирования образования? Здесь также немало сложностей, и вот почему. Даже успешные проекты в образовании, завершаясь, не дают эффекта в виде широкого распространения накопленного опыта. Так, например, случилось с комплексным проектом

модернизации образования. У нас сложилось представление о том, что этот проект просто «оборвался». Как известно, в нём участвовал 31 субъект РФ. Что стало с остальными? Кто из них перенял успешный опыт?

Национальный проект «Образование» в целом остаётся изолированным направлением работы. Это подтверждается разделением функций в органах управления образованием: кто-то отвечает за развитие общего образования, кто-то — за национальный проект. Разработанные в рамках нацпроекта модели и механизмы деятельности не стали частью повседневной реальности. Завершится проект — и они исчезнут. Избежать этого можно было бы, лишь соединив инновационные механизмы, порождённые нацпроектом «Образование» с другими проектами и традиционными формами работы.

Например, можно было бы использовать результаты государственной аккредитации при конкурсном отборе образовательных учреждений, претендующих на получение дополнительных средств. Практика такого отбора в последние годы получает всё более широкое распространение. Вместе с тем, связанные с этим процедуры часто очень сложны и не всегда прозрачны. Образовательные учреждения вынуждены готовить много документов, отвлекаясь от основной деятельности и не имея гарантий, что их усилия оправдаются. Использование в таких случаях результатов государственной аккредитации¹, при условии их объективности и сопоставимости, позволило бы устранить этот недостаток.

Однако центральный вопрос будущей успешности или неуспешности реализации инициативы «Наша новая школа», её адекватности задачам, которые стоят перед современным российским обществом — это, как правильно понимает автор статьи, вопрос о конечных результатах деятельности. В нашем представлении конечные

¹ Для этого, конечно, и механизм государственной аккредитации должен претерпеть определённые изменения.

результаты деятельности — это результаты функционирования системы образования, имеющие самостоятельную ценность, непосредственно значимые для личности, общества, государства.

В сфере образования выделяется много промежуточных результатов (не случайно существуют понятия «промежуточная аттестация», «промежуточный контроль» и т.п.). В отличие от них конечные результаты — это результаты «на выходе» системы образования. Однако в определённых контекстах к ним правомерно отнести и результаты, достигнутые по завершении отдельных ступеней образования (например, уровень обученности выпускников 4-х классов), а также определённые параметры функционирования образовательной системы (например, психологическая комфортность участников образовательного процесса).

Основной смысл использования этого понятия — отделить важные итоговые эффекты от результатов, значимых лишь как условие достижения таких эффектов, то есть подчинённых им, имеющих опосредованную ценность.

В свою очередь, конечные результаты деятельности правомерно разделять на проявляющиеся «здесь и сейчас» (как правило, в период окончания образовательного учреждения или завершения ступени образования) и отсроченные, обнаруживающие себя в течение какого-то времени после окончания образовательного учреждения.

Обратимся к последнему виду результатов. Это подлинно конечные результаты, итог функционирования системы образования, ради чего она и существует. Можно согласиться с автором, что основным проявлением этого результата является степень успешности человека в жизни. Это общая формулировка, которая едва ли вызовет возражения. Однако, она нуждается в дополнении более точными критериями. Именно на этой стадии определения конечных результатов возникают значительные сложности.

В обсуждаемой статье автор называет ряд критериев для определения жизненного успеха выпускников образовательных учреждений. По его мнению, они понятны, проверяемы и прозрачны для всех. Рассмотрим, действительно ли это так.

Сама постановка вопроса ставит под сомнение, что эти критерии так уж «прозрачны для всех». Возьмём критерий, основанный на подсчёте среднего дохода выпускников через пять или десять лет. По замыслу, чем больше доход, тем выше жизненный успех и, значит, качественнее образование. С таким подходом к оценке качества образования можно было бы согласиться при условии соблюдения в обществе принципов справедливой оплаты труда, предусматривающих, что размер заработной платы должен зависеть от затраченных физических и умственных усилий, уровня способностей, квалификации, таланта. Наконец — от принесённой обществу пользы. Однако мы хорошо знаем, что реализуемые на практике принципы оплаты труда во многих случаях совсем иные. Можно ли также гарантировать, что высокооплачиваемые слои населения — наиболее честные, порядочные или, например, больше других любящие свою Родину? Справедливо ли вообще рассматривать занятие любимым, но не вполне доходным делом, как жизненный успех?

Следующий критерий, предлагаемый автором статьи: сколько выпускников создали крепкие семьи и сколько детей воспитывают. Предположим, что в школе на одного выпускника 15 лет назад приходился один ребёнок, а в настоящее время этот показатель вырос до двух. Означает ли данный факт, что за это время эффективность работы школы по формированию у учащихся готовности к созданию семьи и рождению детей выросла? Необходимо напомнить, что колебания в демографических явлениях, испытывающих воздействие множества факторов, редко поддаются простому объяснению. Ни один специалист не даст гарантии, что решающим фактором в росте или падении рождаемости стало изменение образовательной политики.

Правомерно ли также сравнивать по этому показателю школу, расположенную в депрессивной территории, со школой, окружённой динамично развивающейся экономической средой? Сходные вопросы

возникают и к таким показателям деятельности школ, как количество выпускников, работающих по освоенной специальности, и время, потраченное выпускниками на трудоустройство. Будет ли динамика значений этих показателей отражением эффективности работы школ или она в первую очередь связана с изменением ситуации на рынке труда? Развитие ситуации на рынке труда не может в полной мере прогнозировать не только школа, но и государство.

Что касается подсчёта количества выпускников, трудоустроившихся по принципу «где родился, там и пригодился», то этот показатель противоречит государственной политике, направленной на поощрение и поддержку территориальной трудовой мобильности населения. В настоящее время, по оценке специалистов, она значительно ниже, чем в советский период, что стало одним из факторов, препятствующих росту доходов населения, и причиной сохранения неравномерности распределения трудовых ресурсов. Если же включить в этот показатель число выпускников, уехавших «туда, где нужно, и трудно», то его подсчёт, в силу крайней неопределённости, вряд ли возможен.

Можно, конечно, предложить уточняющие измерители или сформулировать другие показатели отдалённых результатов. Однако, будем иметь в виду, что ориентация на показатели качества образования, проявляющиеся через какое-то время после окончания школы (в том числе, через 10 или 15 лет), означает, вместе с тем, и столь же значительную отсрочку влияния полученных результатов на уровень оплаты труда педагогов. Стимулирующие механизмы (там, где они созданы) при этом, разумеется, ослабнут. Если же этим обстоятельством пренебречь, то сбор информации и определение значений показателей превратятся в мониторинг ради мониторинга.

Весьма непростыми представляются нам также технические аспекты подсчёта отдалённых результатов. Возможно, количество показателей сократится, но временные, финансовые и кадровые затраты на сбор информации по каждому из показателей, её дальнейшую проверку

(что неизбежно) и обработку возрастут многократно.

Примечательно, что в том же выпуске журнала «Народное образование», в котором опубликованы комментируемые предложения, содержатся некоторые данные о кадровой структуре российской системы образования. Согласно этим данным, на 1,3 млн учителей приходится 4,7 млн администраторов. Насколько же возрастет число чиновников при необходимости ежегодно подсчитывать, например, уровень доходов выпускников школ как показателя качества образования?

Последний вопрос, который неизбежно возникает: будет ли означать использование показателей оценки деятельности школы, связанных с подсчётом названных выше показателей, значительное расширение её социальных функций и вслед за этим ответственности? Не ляжет ли это в русло имевших место попыток сделать школу ответственной за качество дорог и объём валового регионального продукта?

Очевидно, что отдалённые конечные результаты в принципе возможно и необходимо использовать при оценке деятельности школ. Но для этого они должны:

- не заменять, а дополнять «традиционные» показатели;
- быть результатами, на которые школа способна оказать решающее влияние;
- быть легко измеримыми и также легко проверяемыми;
- предусматривать возможность сравнивать образовательные учреждения;
- основываться на использовании технологий, сокращающих затраты на сбор и обработку информации.

Только при этих условиях результаты можно было бы интегрировать в модель стимулирования деятельности педагогов и специалистов органов управления образованием, что, безусловно, способствовало бы повышению эффективности процессов модернизации образования, строительства новой школы. **НО**